

Незаменимых нет?
Нет! Заменяемых нет!
Мечта о механической замене
Не более чем недоразуменье!
И каждый человек неповторим... —

так писал Леонид Мартынов, выражая самый дух той поры, в результате чего, по крылатому выражению А. Твардовского, наш человек «сам с собою добрее стал», а герой литературы, по словам другого поэта, Эдуардаса Межелайтиса, сделался «мягче, добрее, человечнее»¹.

Было бы опрометчивым посчитать, будто, создавая потрясающую по художественной силе сцену гибели Давыдова и Нагульнова в «Поднятой целине» или отображая страдальный путь русского солдата через ад к победе в «Судьбе человека», Михаил Шолохов полемически адресовался специально к тем писателям, в чьих произведениях, появившихся во второй половине 50-х годов, проявилась недооценка нашего героического прошлого, проскальзывали сомнения относительно целесообразности коллективизации сельского хозяйства, или шел на прямой разговор с авторами так называемой «молодой литературы», порой искавшими коллизий между «отцами» и «детьми». Но что при публикации «Судьбы человека» и второй книги романа «Поднятая целина» им учитывалась необходимость такого объяснения с товарищами по оружию, сомнений не вызывает.

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИМИРА ТЕНДРЯКОВА

Слова Валентина Овечкина о том, что «кто-нибудь, выждав еще маленько, окончательно убедившись, что такого рода конфликты (как в «Районных буднях». — А. О.) разрешены к печати, сделает потом из этих набросков роман», оказались пророческими. Одним из первых сугубо художественными средствами «такого рода конфликты» попытался разработать Владимир Федорович Тендряков (1923—1984), писатель-фронтовик, выступивший с первым произведением в печати еще в 1948 году, но нашедший свою тропу в литературе, нащупавший свои темы и собственный подход к ним лишь в следующем десятилетии.

Так же как Валентин Овечкин, он обращался к жизни послевоенной советской деревни, к мучительно волновав-

¹ Вопросы литературы, 1964, № 1, с. 81.

шей тогда всех проблеме: как вывести наше советское хозяйство из прорыва, обеспечить колхозному крестьянству, а значит, и всей стране материальный достаток? «Красива наша земля,— говорит один из героев его повести «Тугой узел».— А на такой вот красивой земле надо сделать красивую жизнь»¹. Это и была главная проблема, с которой выступил писатель на новом этапе своего творчества. Но успех ему принесли не произведения, намечавшие узкопозитивное решение ее, а повести и рассказы, показывавшие сложность и противоречивость деревенской жизни, ее значительную неоднородность при единстве главной тенденции развития. Напечатанными одно за другим произведениями — «Падение Ивана Чупрова» (1953), «Не ко двору» (1954), «Ухабы» (1956), «Тугой узел» (1958), «Чудотворная» (1958) — Владимир Тендряков заявил себя зрелым художником. В одном абзаце он, например, описывая руки пяти председателей колхозов, сидящих за столом у секретаря райкома, сумел передать не только особенности характера каждого из них, но и то, как кто поведет себя при обсуждении сложного вопроса («Тугой узел»).

В рассказе «Не ко двору» писатель продемонстрировал умение вовремя найти многозначительную характеристическую деталь и придать ей значение почти символическое. О жадности, скопидомстве Ряшкиных больше, чем все поступки, говорят запах табака, которым отдают все их обитовы, бездонный сундук и «грузно осевший дом»; о страшной жестокости — безжалостность, с какой Стешка и ее мать стягивают рога соседской козе.

И всеми этими произведениями Тендряков вносил существенные поправки в общую картину деревенской жизни, деревенского мира, сложившуюся перед тем в литературе и искусстве благодаря усилиям не одних лишь авторов романов «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей» и кинофильмов вроде «Кубанских казаков».

Многие считали, что война, бесспорно, нанесла тяжелейший урон развитию колхозного хозяйства, но массой крестьянства и ее руководящими силами делается все, чтобы быстрее исправить положение, создать в стране полное изобилие продуктов питания, жизнь же сельского труженика изменить коренным образом, преобразовав деревни и села в агрогорода. Философы усиленно создавали фунда-

¹ Тендряков В. Ухабы. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1959, с. 21. Далее цитируется по этому изданию.

ментальные работы «о стирании разницы» между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Считалось также, что если и существуют в деревне какие-либо противоречия, то они выражаются в борьбе хорошего с лучшим или в том, что есть более и менее старательные колхозники, одни все силы отдают колхозному полю, другие, работая на том же поле, приберегают часть сил для собственного приусадебного участка. Последние не очень осуждались, поскольку долгое время трудились «за палочки», то есть почти ничего не получая на трудодень. Признавалось также, что главную вину за неуправки в колхозных делах несут консервативно настроенные представители колхозов, директора МТС, руководители районных организаций.

Появление очерков Валентина Овечкина и последовавших за ними очерков Г. Троепольского, И. Винниченко, А. Калинина, А. Яшига, Ф. Абрамова, Е. Дороша внесло существенные коррективы в картину, считавшуюся чуть ли не бесспорной. Оказалось, что существовали многие объективные причины глобального масштаба, сковывавшие народную инициативу в деревне. Писатели углубились в экономику, социологию, быстро превратив в расхожие такие понятия и формулировки, как «нарушение принципа материальной заинтересованности», «тотальная натуроплата», «полновесный трудодень». Одни искали корень бедствия в существующих принципах планирования в сельском хозяйстве, другие — в подавлении народной инициативы жесткой централизацией и автоматическим исполнением, третьи — в нарушениях факторов материальной заинтересованности... Владимир Тендряков не игнорировал ни первого, ни второго, ни третьего, что позволило английскому профессору Джеффри Хоскингу утверждать: «Тендряков — противоречивый писатель, который с редкой откровенностью воспроизводит противоречия своего времени»¹. В цитированной уже повести «Тугой узел» председатель колхоза Игнат Гмызин главную беду видит в плохих руководителях: «Хороший руководитель, — говорит он, — на две стороны слышит. Плохой туг на одно ухо: что сверху прикажут — на лету схватит, что снизу посоветуют — не доходит. Вот оно, качество-то... Тем и плох Комелев, что, как ручей по весне, все в одну сторону нес — сверху вниз. Людей любил, добра им желал и не доверял. Часто случается — кого любят, тому не доверяют».

¹ Hosking G. Beyond Socialist Realism. New-York, 1980, p. 85.

По верному наблюдению немецкого исследователя Карлхайнца Каспера, заимствуя трезвый деловой стиль Валентина Овечкина, развивая и обогащая его, Владимир Тендряков в 50-х годах сосредоточил все свое внимание художника на восстановлении доверия к рядовому советскому труженику¹. «...Тендряков растет»,—радовался Валентин Овечкин в письме А. Твардовскому от 1 октября 1954 года. Писатель сделал рядового советского труженика своим главным героем, погрузившись в исследование этических и эмоциональных проявлений его личности.

Долгое время, по мнению писателя, у людей села подрывалась вера в их собственный ум, инициативу, сноровку, нарушалось их сущностное право оставаться единственными хозяевами своего колхоза, села, самостоятельно и с умом решать все дела. Нарушая это их право, колхозников превращали в простых исполнителей того, что диктовалось из района, области, центра. «От ней все качества» — от этой причины, считает писатель. От этой же причины и — оттого, что, будучи монолитным политически, сельский мир все еще неоднороден, когда дело идет об отношении к «колхозному» и «своему», к «нашему» и «моему», к «колхозному» и «государственному». Умный, смекалистый председатель колхоза Иван Чупров из рассказа «Падение Ивана Чупрова» не удерживается от того, чтобы урвать из «государственного» ради «своего колхоза». От Силантия Петровича Ряшкина ни один сосед не слышит худых слов о колхозе, но по всем хваткам, образу жизни и он, и его жена сугубые индивидуалисты и свинцовые мещане; задыхающийся в их доме бригадир трактористов Федор Соловейков, наблюдая поведение тестя на колхозном дворе, недоумевает про себя: «Ведь он куда как ретив на хозяйство, дома-то ни минуты не посидит... А тут раскуривает, спокойнешенек...»

Писатель создал галерею деревенских характеров, отличающихся несхожестью и даже несоединимостью. Тот же Иван Чупров — человек смелый, даже дерзкий; с размахом ведет он колхозное хозяйство, преодолевая застарелое недоверие односельчан к его начинаниям. Раскорчевав Демьяновскую согру и засеяв ее льном, он на вырученные деньги закладывает свинарник, потом, получив доход, строит молочную ферму... К колхозникам приходит достаток, а Чупров разворачивается все шире. Существующие фор-

¹ Каспер К. Multinationale sowjetische Erzählung. 1945—1975, S. 36—37.

мы расчета с подрядчиками через банк не всегда позволяют иметь вовремя необходимые суммы, и он решается раз-другой обойти закон... Надо хорошо угостить нужных людей, достающих дефицитные строительные материалы,— и Иван Чупров берет из колхозных кладовых продукты. Все это вроде бы не для себя, но в какой-то степени и для себя. Первым встревожился друг и бывший парторг колхоза Николай Бессонов, выдвинутый на пост председателя в другой колхоз. Обращаясь к новому парторгу колхоза Алексею Быкову, он сказал: «А изменился Иван... Как ты думаешь?»

— Что-то не заметил,— ответил Алексей.

— Мне со стороны видней. Прибавилось в нем этакое «я решу», да «я сделаю». Колхоз — это «я»!

— Что ж, за пятнадцать лет колхозники к нему привыкли, он — к колхозникам. Трудно отделить колхоз от себя.

— Вот-вот... Сперва трудно отделить себя от колхоза, потом — свое от колхозного.

— Это к чему, Никита Кузьмич?

— Так, к слову. Приехал гость, нужна на стол гусятина, мигнул — на тебе гусь! Не жизнь — сказка по щучьему велению.

— Мелочь.

— Вот именно мелочь. Если бы не мелочь, а крупное, и говорить не о чем. Тогда уж поздно. Смотри, как бы не споткнулся. Споткнется — ты ответишь. Ты партийный секретарь... Спросят, и на молодость не посмотрят».

Вскоре Алексей убедился в правоте Бессонова; поддержанный рядовыми колхозниками, попытался поговорить с Чупровым откровенно, ибо уже «поговаривают люди, поговаривают: председатель — пан в колхозе...» Тот закусил удила, попытался публично унизить секретаря парторганизации и вскоре попал в сети, расставленные хитрым и изворотливым хапугой-шантажистом — «тишайшим» бухгалтером колхоза Никодимом Аксеновичем. Поняв, что от него ничем не откупиться, заметался. Смелости повиниться перед колхозниками или рассказать обо всем секретарю райкома партии у него не достало, и он — покатился вниз, запил, опустился. Коготок увяз — всей птичке пропасть. Конец рассказа проникнут мрачными предчувствиями и неожиданным поворотом самой темы, сделанным в момент, когда многие считали, будто достаточно дать полную свободу инициативе председателей колхозов, и дело пойдет в гору.

Так думал и главный герой уже не рассказа, а повести, почти романа, В. Тендрякова «Тугой узел» Павел Мансуров. Все беды села, района, области, по его мнению, оттого, что люди превращены в простых исполнителей. Все им спускается сверху: планы посевной, сроки прополки, уборки, темы лекций и т. п. «Сел вот в райкоме на заведование пропагандой и агитацией,— жалуется Павел Мансуров другу и родственнику председателю колхоза Игнату Гмызину.— В другом месте я бы, может, смог быть хозяином своей жизни. А здесь сыплют инструкции, со всех сторон указывают, со всех сторон подталкивают: делай так-то, делай то-то, не иначе. Кто эти инструкции пишет? Кто указывает? Такие, как Комелев. Попробуй докажи им свою самостоятельность». Уверенный, что «каждый человек должен оставить, кроме детей и кучки земли на кладбище, что-то полезное, дело, какое-то дело», он признается: «Я силы чувствую, расти хочется, а вот застыл, как гриб, прихваченный заморозками. Мой рост, мое движение не зависят от меня. Захотят — продвинут, не захотят — оставят киснуть на той же должности». На эти lamentации Игнат Гмызин отвечает: «Ты сам себе хозяин. Делай свою жизнь бессмысленной», — чем приводит Павла чуть ли не в ярость: «Хозяин?.. Эх! Слово-кляп! Чуть что запенится, чуть что выйдет из нормы, затыкают им, как пробкой пивную бутылку». И еще: «Хочу, чтоб польза была! Хочу! Да как это сделать? Силы есть, и голова на плечах есть, а беспомощен...» Между тем, как он справедливо считает, настоящая жизнь невозможна без постоянного самостоятельного почина, риска, дерзости. Иначе: застой, апатия, равнодушные и прозябание.

Из бесед с хозяйственниками, агрономами, полеводцами, животноводами Павел Мансуров убеждается, что многие решения спускаются сверху без учета местных условий. Подобрал несколько таких документов, он выступает на бюро райкома, но не получает поддержки со стороны большинства. Осторожный секретарь райкома пересылает потертую папку с документами, собранными Мансуровым, в обком, а через несколько месяцев вынужден уйти на пенсию. Первым секретарем райкома стал Павел Мансуров. О нем по области полетела слава как о смелом, инициативном, решительном руководителе. Всеми силами стремясь поддерживать именно такую славу, Павел Мансуров вскоре... стал брать от имени района нереальные обязательства, давать несбалансированные обещания на областных сове-

щаниях, игнорируя здравые предостережения, высказываемые председателями колхозов, повышая голос, поощряя угодничество и беспринципность. Со старым опытным председателем колхоза Федором Мурыгиным он говорил настолько беспощадно и ультимативно, что на другой день «Федора Мурыгина нашли лежащим под березой, уткнувшимся лицом в прелую прошлогоднюю листву. Сук березы сломался под грузным телом, но длинная сырмятная супонь, снятая с хомута Проточины, крепко врезалась в толстую шею».

Старый председатель, уходя из кабинета Павла Мансурова, уронил свой поношенный картуз и не поднял его. Картуз остался как напоминание о трагедии, начавшейся здесь. Но и она не образумила ретивого экспериментатора. «Что и говорить, по-человечески жаль мужика. Жаль! Но даже теперь Мансуров не хотел признавать за собой вину. Он не имел права смягчать тон, сглаживать острые углы, удерживаться от упреков, прощать и тем самым давать повод к новой безответственности. Он поступил так, как обязан был поступить!»

Когда его старый друг, председатель другого набирающего силу колхоза Игнат Гмызин выразил несогласие с новой инициативой, проявленной сверху и поддержанной опять-таки в целях спасения своего реноме Мансуровым, тот стал готовить изгнание Игната Гмызина из председателей колхоза и из партии. Он не остановился перед прямой фальсификацией, начал обрабатывать и секретаря сельской партийной организации, и других председателей колхозов. Испугавшийся секретарь ячейки Евлампий Ногин уговаривает Игната «признаться в ошибках»: «Полезешь напролом, упрешься — раздуется пожар. Не таким быкам рога обламывали...» Игнат Гмызин не испугался. «Одначе заячья же душа у тебя, — ответил он. — Напрасно выбрали в секретари. Партбилет я ношу не для того, чтоб только увертками его спасать. Когда получал, давал обещание: ежели замечу пень на колхозной дороге, ни сил, ни жизни не пожалею — выворочу. Мансуров пнем стал. Не мне теперь этому пню кланяться. Иди да на ус себе намотай».

Он же объяснил использованному против него Мансуровым молодому коммунисту: «Не ты подлец, а Мансуров... В нашей жизни, Сашка, есть рамки. Часто в них трудно развернуться — тесны. Надо, скажем, купить партию шифера, и деньги есть в банке, а не дают — не по смете. Надо

посеять клеверу — нельзя, не по директивной установке. А эти сводки... В Кудрявине покосы позарастали лет десять тому назад, а в сводках требуют — учитывай их. Кому не приходилось обходить стороной эти сметы, директивы, сводки? Я обошел. Суди меня — отвечу, но подними вопрос о том, чтоб ни у меня, ни у других председателей не случилось больше нужды объезжать на кривой, поправь жизнь. Но разве это нужно Мансурову? Для него партийная работа — лишь лесенка, по которой удобно подняться над всеми... Что ж, Павел Сергеевич, пришла пора поговорить в открытую... Вот, Саша, прочитай: в обком пишу...»

Неопровержимыми фактами Игнат Гмызин сумел доказать первому секретарю обкома Курганову, что поддержанная Мансуровым постройка, по требованию обкома, кормоцехов в сложившихся условиях была нереальной. Поехав в Коршуновский район, Курганов «вдруг почувствовал, что ошибался, не всегда-то хорошо понимал людей.

Оценивал: кто добросовестно исполняет поручения, кто не плачется на трудности, тот истинный руководитель. Мансуров все выполнял, Мансуров не жаловался, больше того, хватал на лету любую идею, рождающуюся в стенах обкома. В нем ли было сомневаться?..

И вот племенной скот, загнанный в дырявые коровники, близкая зима и... сводки: начато строительство кормоцехов, подвезено столько-то леса, заложен в таких-то колхозах фундамент...

Чистотелов, видно, понял молчание Курганова, он обернулся и произнес:

— Вот оно как... Издалека-то, бывает, и петух на насесте за ястреба сойдет».

Повесть заканчивается падением Павла Мансурова. Падением, но не раскаянием. Он винит во всем Курганова. Все другие винят Мансурова. Курганов «распахнулся перед людьми: «Передоверился! Упустил из поля зрения. Не обратил вовремя должного внимания...» И — отправил Павла Мансурова на учебу в Высшую партийную школу. «Решение конфликта, предложенное Тендряковым, — по очень точному наблюдению Вс. Сурганова, — явственно намечало завязку новых тугих узлов. Сам по себе подобный ход писателя еще раз свидетельствовал о новом качестве нашей литературы, обретенном во второй половине 50-х годов»¹.

Последний поворот столь же неожидан, как вся исто-

¹ Сурганов В. Человек на земле, с. 281.

рия падения Павла Мансурова. Ведь начинал-то он с самыми лучшими намерениями, а получив всю необходимую инициативу, обратил ее людям во зло. Так, может, корень бед как раз в чрезмерной инициативе одних и связанности других? Вопрос этот читатель мог поставить еще и потому, что повесть широко читалась в разгар бесконечных перестроек и нескончаемых инициатив, осуществлявшихся на всех уровнях с целью решения главной задачи тех лет — превзойти США по производству зерна, масла, молока. Королевой полей была объявлена «кукуруза», и ее в обязательном порядке сеяли даже в северных районах, некоторые обкомы обещали сдать тройной годовой план мясопоставок, для чего у населения скупался весь скот. Делали это люди, подобные Павлу Мансурову, и делали потому, что в своем рвении не зависели от подлинных производителей материальных и духовных ценностей в нашей стране. Павел Мансуров пал потому, что Курганов признал: «Передоверился!» Но он не сказал этого после самоубийства Федора Мурыгина, и Павел Мансуров продолжал еще более рьяно «проявлять инициативу». Это очень показательно для рассматриваемого нами времени. Не один В. Тендряков, но и Ю. Нагибин, М. Стельмах, С. Крутилин, Е. Мальцев, М. Алексеев в то время завершали свои произведения, уравнивая одного нового председателя колхоза, другого нового секретаря райкома или обкома, третьего секретаря ЦК с тем, что в древности называлось *deus ex machina*, а в политическом лексиконе потом родились понятия «волютаризм», «волеовое решение». Это дало мне право одну из статей тех лет закончить так: «У нас хватило смелости поставить коренные проблемы современного села. У нас должно хватить смелости правильно ответить на них. Довольно с нас искусственных, «подсказанных» концовок, умозрительных «развязок», свидетельствующих лишь о том, что волнующие народ проблемы не находят в самой жизни плодотворного разрешения»¹.

Мужественно и откровенно Курганов говорит народу: «Передоверился!» — и не замечает, что тем самым он тоже виноват, и виноват в большем даже, чем Павел Мансуров. Он мог недосмотреть, упустить, но почему главный хозяин страны — народ — не поправил вовремя Павла Мансурова? Не потому ли, что Курганов и его соратники не все сделали для того, чтобы народ не поступался своим основным

¹ См. мою книгу «Эпоха, человек, искусство», с. 154—155. Ср.: Там же, с. 190—191.

правом и никому не передоверял его? Давно и безошибочно сказано: «Один человек, даже если он очень велик, все-таки мал...» Курганов должен был каждую минуту оглядываться на народ с вопросом в глазах: «А верно ли я действую? Так или можно лучше и вернее?» Он же ко всем подходит с одной и той же меркой: «Кто добросовестно исполняет поручения...»

О людях, неукоснительных в исполнении инструкций, поручений, не считаясь ни с какими условиями, Владимир Тендряков написал рассказ «Ухабы», быть может, самый сильный, самый экономный и самый динамичный из всех, созданных им в середине 50-х годов. Рассказ написан густо, без сбоев. Все характеры развертываются не прямолинейно, но удивительно выдержаны до конца. На размытой дождями ухабистой дороге перевернулась автомашина, придавив самого молодого и самого расторопного из всех «лещей», то есть левых пассажиров, добравшихся на попутной в районный городок. Шофер перевернувшейся райпотребсоюзной машины Василий Дергачев, директор Утряховской МТС Княжев, маленький заготовитель из конторы «Живсырье» и жена молодого горячего лейтенанта, а потом и сам одумавшийся лейтенант ночью, под дождем, несут пострадавшего на смастеренных тут же носилках в ближайшее село, где размещается МТС и есть фельдшерница. Осмотрев больного, последняя констатирует внутреннее кровоизлияние. Необходима срочная операция. Сделать ее можно только в райцентре, где есть хирург. Но как доставить туда больного, когда все дороги размыты? Кто-то предлагает попросить у Княжева трактор с санями. «Не даст»,— скупое сказал заготовитель. Василий и лейтенант не поверили. Но Княжев, несколько верст, утопая в грязи, несший пострадавшего, отказался дать трактор. «В том-то и дело, что ни объяснять мне, ни агитировать меня не надо. Я все сделал, что от меня лично зависело.— Княжев осторожно тронул пальцами засохшую ссадину на щеке.— Если б тракторы были мои собственные...» Он показал решение райисполкома, категорически запрещающее «использовать тракторы как транспортные машины», и отрезал: «Вот как обстоит дело, дорогие друзья. Я в МТС не удельный князь, а всего-навсего директор.— Княжев забрал бумагу.— И, как директор, я обязан подчиняться распоряжениям вышестоящих организаций». Перед тем он сказал по аналогичному поводу: «Мало на меня в районе собак навешали...» Воздействовать на директора отказались и уча-

сковый инспектор милиции, и председатель сельского Совета, председателя же райисполкома и зонального секретаря райкома, к которым пытался дозвониться лейтенант, не оказалось дома. На помощь пришел бригадир МТС, взявший трактор без разрешения. Но время было упущено. Когда пустившийся в ночь из райцентра хирург встретил на полпути сани с пострадавшим, было уже поздно.

«В шляпе, сбитой на затылок, с маленьким чемоданчиком, в засученных брюках,— на палке, переброшенной через плечо, болтаются туфли,— оскальзываясь босыми ногами, подошел хирург, снял шляпу, вытер платком лоб, лысеющую голову.

— Опоздал?— спросил он, кидая взгляд на тело, лежащее посреди саней.— Долго же вы... У меня машина застряла сразу же за городом. Пешком-то быстро не проскачешь. Дайте-ка руку, молодой человек. Так!..

— Доктор,— хрипло обратился Василий,— если бы раньше привезти, вы бы спасли его?

— Возможно,— ответил тот.— Вполне возможно. Что-то медленно вы, друзья, собирались. Преступно медленно! Надо было не забывать, что на вашей совести лежала человеческая жизнь...» Выслушав рассказ о том, как все произошло, доктор сказал, как припечатал: «Бюрократ!.. До убийцы выросший бюрократ!»

Потом эту тему в советской литературе подхватит Василий Шукшин, чье творчество насквозь проникнуто требованием не забывать о человеке, где бы и что бы в нашей стране ни делалось. И в малом и в большом, выступает ли человек с инициативой или просто исполняет одно из очередных решений той или иной инстанции, надо, чтобы он делал это разумно, по глубокому убеждению, что лучше и умнее, чем это делает он, никто сделать не сможет, чтобы человек чувствовал себя и в малом и в большом искателем, творцом, а не слепым, механическим исполнителем пусть великой, но чужой, не захватившей тебя идеи, воли, силы. Иначе даже самые энергичные усилия по перевоспитанию людей в духе нового отношения к миру, человеку, в духе требований нового морального кодекса окажутся безрезультатными. А так как и сегодня человек остается в центре борьбы между силами старого и нового, он может оказаться вне нашего влияния. И тогда в нем вдруг проснется «старый Адам», о чем с замечательной художественной силой сумел рассказать В. Тендряков в нашумевшем рассказе «Чудотворная» (1958).

Школьник не из самых успевающих, но и далеко не отстающий от других, Родька Гуляев случайно натолкнулся на запрятанную в давние времена икону, считавшуюся чудотворной. находка превратилась для него в источник неисчислимых напастей. Старухи заговорили о персте божьем, которым отмечен мальчик. Бабка требует, чтобы он надел крест, стал молиться. К ней присоединяется мать. Старики целуют Родьке руки, заискивают перед ним. И все твердят о боге. Мальчик теряется, встав перед неразрешимым вопросом: есть бог или нет? Говорят, нет его, но почему же его искал сам Лев Толстой? Он и не подозревает, что за его душу развернулась ожесточеннейшая борьба.

Полярные позиции в этой борьбе занимают хитроумный священник отец Дмитрий и старая учительница Парасковья Петровна. Много подробностей сельской жизни, деревенского мира сообщает в связи с этим Владимир Тендряков, начиная с факта заметного усиления сразу после войны религиозных настроений среди отдельных групп населения.

Мужественно, смело искал писатель причины подобных явлений. И приходил все к тому же выводу: погружаясь в заботы о выполнении текущих, перспективных планов, мы нередко забывали, ради кого все эти планы выполняются — о человеке. Спрашивая у самой себя, почему ее бывшая ученица, мать Родьки, Варвара Гуляева подпала под влияние религиозных старух и потянулась к богу, Парасковья Петровна так отвечает на этот вопрос:

«Окончила пять классов; сперва просто помогала матери, потом была зачислена в первую полеводческую бригаду: боронила, косила, жала, молотила — делала, что приказывали бригадир, председатель, агрономы из МТС, уполномоченные из райцентра. Никто из них не пытался заставить ее: пораскинь сама мозгами, как лучше вырастить хлеб, подскажи, возражи, ежели мы не правы. Никто не учил: думай над жизнью, вникай в нее. Все, от колхозного бригадира Федора до районного начальства, только приказывали: борони, жни, коси по возможности быстрее, по возможности лучше, не рассуждай лишка, без тебя разберемся. Помнили: она — рабочие руки в колхозе, а то, что она, кроме этого, еще и человек, часто забывали. А Варвара была не из тех, что могла доказать: она способна думать. Покорно выполняла приказы, много действовала своими руками и меньше всего головой. Неизбежен умственный застой, неизбежно и то, что ей приходилось искать

всемогущественного, справедливого повелителя, который был всегда под рукой». Так создавались психологические, нравственные предпосылки, на которых может родиться вера в любой культ. Об этом Парасковья Петровна прямо и заявляет заведующему отделом пропаганды и агитации райкома партии Кучину, признающемуся, что у него «все время съедают горючее для тракторов, овес для лошадей, заботы вплоть до божьего солнышка». Кучин утверждает, что, когда у нас будет материальное изобилие, людям не потребуется обращаться к всевышнему. «Сначала кусок мяса в щак, добротная одежда к зиме, затем радиоприемник, электричество, книги, кинокартины. Вот наши доказательства, и против них не устоит господь бог»,— заявляет он.

Умная учительница понимает, что в словах Кучина заключена большая правда, она не спорит с нею, но знание жизни подсказывает ей: не вся правда, и, самое главное, не всеразрешающая правда в этих его словах. И это — не просто деталь, характерная для данного произведения Тендрякова или даже для его творчества в целом. Большинство произведений второй половины 50-х годов воспринимались читателями как недоконченные, как произведения, лишь начинающие большой разговор, который весь впереди. Но что бы ни говорилось дальше, неизменно одно: навсегда должно быть исключено отношение к человеку как к только исполнителю или, как тогда говорили, к «винтику».

Отмечая сдержанность, экономность художественных средств в «Чудотворной», критик назвал автора достойным последователем Чехова, а рассказ — одним из самых примечательных событий 1955 года¹. «Чудотворной» Владимир Тендряков в первую очередь обязан тем, что о нем заговорили далеко за пределами нашей страны, вынося, как правило, в заголовки статей слова «религия» и «религиозный». Кажется, только А. Алогсио из Миланского католического университета да Лиля Х. Вэнглер (США) избежали упрощенного подхода к постановке и решению в творчестве В. Тендрякова религиозной проблемы. Первый указывал, что у нашего писателя над верой в бога торжествует вера в человека. «Без веры в высоту своей миссии, в благородство своих целей,— формулировал он кредо В. Тендрякова,— человек перестал бы быть таковым,

¹ Europe, № 358—359, II—III, 1959, p. 265.

перестал бы отличаться от других форм жизни». Он же сожалел, что психологически у В. Тендрякова многие персонажи оказываются «недотянутыми»¹.

При всей спорности многих положений и заключений, развиваемых и защищаемых Лилой Х. Вэнглер из Питтсбургского университета (США) в диссертации «Моральные и религиозные темы в произведениях Владимира Тендрякова» (1977), можно согласиться с главным ее утверждением, что «две темы преобладают в творчестве писателя: испытание моральной смелости и поиск смысла человеческой жизни... Он исследует кризис, переживаемый героем, когда тому предстоит принять решение. Тендряков обращает внимание на совесть как на карающую силу в человеке. Герои зрелых рассказов Тендрякова, написанных после 1956 года, переживают эволюцию характеров. Они выигрывают от духовного кризиса, хотя немногим из них удается исправить свои ошибки и тем избежать страданий. Те, кому это не удается, убеждаются, что правду нельзя подвергать компромиссу. Поиски правды — лейтмотив всех произведений Тендрякова. Компромисс с правдой неизменно чреват страданием героев. Правда является мотивирующим фактором не только в рассказах, отражающих моральный кризис, но и в произведениях, герои коих ищут правду в смысле своего собственного существования, вследствие этого часто задаются вопросы, связанные с существованием бога и человека на земле».

Автор диссертации признает, что В. Тендряков в постановке религиозной проблемы далек от каких-либо компромиссов, хотя возможна различная интерпретация его рассказов. Поиск веры, если говорить о позитивном аспекте, это «поиск абсолютного морального стандарта». И это, конечно, правильно, если бы не пугающее слово «стандарт», вряд ли уместное в такой сфере, как нравственно-духовная, и не утверждение Лилы Х. Вэнглер, будто все это несовместимо с социалистическим реализмом, как якобы несовместима и философия, согласно которой «правда в искусстве неотъемлема от правды в жизни, и чтобы найти эту правду, надо проникнуть глубже, чем можно увидеть на поверхности».

Проявляя удивительную поспешность заключений, профессор Джеффри Хоскинг попытался представить Владимира Тендрякова писателем, стоящим по ту сторону социа-

¹ Vita e pensiero, 1977, № 4, luglio — agosto, p. 107.

листического реализма. Он прямо так и писал: «Его относительная искренность, острота изображаемых им конфликтов, прямота изображаемых его героев, резкость его языка — все это представляет собой долгожданный контраст по сравнению со скучным монументализмом и «бесконфликтностью» последних лет сталинской эпохи. Его цитированная уже статья о «положительном герое» помогла задать тон большинству произведений середины и конца 50-х годов, когда положительные герои опять должны были нести в себе что-то положительное, с отрицательными героями велся бой и действительность изображалась в ее подлинном несовершенстве, а не в сиянии будущих «великолепных перспектив»¹. Можно подумать, что автор этих «открытий» никогда не слышал ни о «Русском лесе» Леонида Леонова, ни о «Районных буднях» Валентина Овечкина и поэтому увидел недалекое прошлое как пустыню с обветшавшими пирамидами, а Владимира Тендрякова принял за их ниспровергателя. Между тем, творчество Владимира Тендрякова являлось закономерным звеном в поступательном развитии советской литературы и мостом, по которому в нее придут с художественными произведениями С. Залыгин, Ф. Абрамов, Б. Можяев...

Назвав свою статью о Владимире Тендрякове «Современно и своевременно», один из талантливых его последователей Владимир Крупин убедительно показал, что этим двум принципам в равной мере верны и публицистика, и рассказы, повести, романы писателя. На вопрос, в чем суть уроков, которые дает Владимир Тендряков идущим вослед, он отвечал: «В постоянной и напряженной озабоченности острыми проблемами нашего времени. Например, сейчас многие пишут о бригадном подряде, безрядных звеньях, а долгие годы назад с каким трудом Владимир Федорович печатал одним из первых статьи на эту тему. Или — огромный, неподъемный почти камень выворотил писатель своей повестью «Ночь после выпуска», камень, лежащий на пути среднего образования, на пути сближения школы с жизнью, а сейчас, как известно, готовится реформа школьного образования. «Поденка — век короткий» — эта повесть появилась до всеобщего осуждения фактов приписок. «Кончина» — как сигнал о недопустимых методах руководства хозяйством...»²

В той же статье так характеризуется последующее твор-

¹ Hosking G. Beyond Socialist Realism, p. 84.

² Литературная газета, 7.XII.1983.

чество Владимира Тендрякова: «Социальность, смелость, гражданственность — синонимы творчества Тендрякова. Можно говорить о каркасности построения повести «Расплата», о загроможденности изучаемыми знаниями повести «Затмение», можно не соглашаться с «Апостольской командировкой», «Чудотворной», но зайдем в любую библиотеку — в городскую, сельскую, заводскую — и будем судить Тендрякова по неослабевающему спросу на его книги, а, значит, по силе влияния на умы читателей. Дело же не в беспспорности выводов — в поиске, в оживлении работы мысли. Ищущий заблуждается первым, но он все равно впереди. И заблуждения суть открытия, ведь поиск большой литературы не самоцель, но указание путей совершенствования человека. Литература Тендрякова — большая литература».

**«СЕРЕДИНА ВЕКА»
ВЛАДИМИРА ЛУГОВСКОГО
И «ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ»
АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО**

Исследуя сегодня неисчислимые сборники стихов, изданные в середине века, приходишь к заключению: наиболее значительные успехи были достигнуты не в области малых жанров, приносящих тогда бурные аплодисменты поэтам, а в сфере самых крупных форм. Вслед за книгой Владимира Луговского «Середина века», создававшейся пятнадцать лет (1942—1956), появилось другое грандиозное полотно лиро-эпического плана — «За далью — даль» (1950—1960) Александра Твардовского и одновременно с ними или сразу за ними — философско-психологическая поэма «Проданная Венера» (1957) и поэма романного типа «Седьмое небо» (1962) Василия Федорова, стихотворные повести «Строгая любовь» (1956) Я. Смелякова и «Любава» (1962) Б. Ручьева, философско-романтическая поэма «Человек» (1960) Э. Межелайтиса, «Реквием» (1961) Р. Рождественского, «40 отступлений из поэмы «Треугольная груша» (1962) А. Вознесенского, публицистическая поэма мощного эмоционально-психологического накала «Иди, сержант!» (1961) Н. Грибачева, философско-публицистическая оратория «Суд памяти» (1962) Е. Исаева, драматическая поэма «Кровь и пепел» (1962) и лиро-философская панорама «Стена» (1965) Ю. Марцинкявичюса, «Братская